

## ЭВОЛЮЦИЯ ДИСКУРСОВ О ПОКОРЕНИИ СИБИРИ В ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

**С.А. Чернышов**

*Национальный исследовательский Томский государственный университет  
Томск, Российская Федерация  
1502911@mail.ru*

*Цель исследования:* систематизация и факторный анализ эволюционирующих представлений о покорении Сибири в локальной исторической памяти Пермского региона с конца XVI в. по настоящее время.

*Материалы исследования:* архивные материалы, материалы личного происхождения пермских краеведов, журналистов, историков, педагогов, интеллигенции, фольклорные материалы, материалы СМИ разных эпох, краеведческие работы и локальные учебные пособия Пермского региона.

*Научная новизна:* на основе впервые вводимых в научный оборот краеведческих и личных материалов анализируется традиционно воспринимаемая в исторической науке как незначительная проблематика локальной исторической памяти о присоединении Сибири. Региональное измерение «коллективной памяти» о «Сибирском взятии» является нетрадиционным для сибириеведения и может быть по аналогии выполнено в других значимых для этого процесса регионах.

*Результаты исследования:* несмотря на то, что Пермский регион является «плацдармом» для покорения Сибири и символической границей «Русского мира» и «Зауралья», гипотеза о системообразующем значении мифа о «Сибирском взятии» для конструирования локальной идентичности не нашла своего подтверждения. В локальной исторической памяти Пермского региона о присоединении Сибири можно выделить несколько взаимозависимых дискурсов. Первый – героизация Ермака, которая вначале претерпевает влияние реакции на борьбу правительства с «казачьей вольницей», но к началу XX в. наделяет атамана чертами локального народного героя, а сам его поход – всеобщим делом местных жителей. Второй – дискурс о роли Строгановых, развернутый в 1830-е годы Ф.А. Волеговым, переживший советскую идеологизацию («Строгановы против народа»), испытавший незначительный всплеск в 1990-е годы, но в целом так и не являющийся доминирующим. Отдельным дискурсом следует считать репрезентацию покорения Сибири в работах местной интеллигенции, которые, с одной стороны, начиная с конца XIX в. отмечают незначительное внимание Москвы к роли Пермского региона в покорении Сибири (что можно считать типичным колониальным дискурсом), однако и они сами не рассматривают «Сибирское взятие» как сколько-либо значимый фактор региональной истории. В целом в дискурсах локальной исторической памяти Пермского региона о покорении Сибири фокус внимания смещен от событий к конкретным героям, а ретроспективная интерпретация их подвигов имеет скорее «народный», нежели государственный характер.

© Чернышов С.А., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.  
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**Ключевые слова:** Ермак, Строгановы, присоединение Сибири, Пермский край, краеведение, локальная историческая память

**Для цитирования:** Чернышов С.А. Эволюция дискурсов о покорении Сибири в локальной исторической памяти // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 167–180. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.167-180 EDN: NRQKDK

**Финансирование:** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002\19.

---

## EVOLUTION OF DISCOURSES ON THE CONQUEST OF SIBERIA IN LOCAL HISTORICAL MEMORY

*S.A. Chernyshov*

*National Research Tomsk State University  
Tomsk, Russian Federation  
1502911@mail.ru*

**Abstract:** *Research objectives:* Systematization and factor analysis of evolving ideas about the conquest of Siberia in the local historical memory of the Perm region from the end of the 16th century to the present.

*Research materials:* The research draws upon archival materials, materials from local historians, journalists, historians, teachers, and intellectuals, folklore materials, media materials from different eras, local history works, and local teaching aids from the Perm region.

*Novelty of the research:* Based on the introduction of previously unpublished local history and personal materials, the study examines local historical memory about the annexation of Siberia, which has been perceived as an insignificant topic in historical science. The regional dimension of the “collective memory” of the “Conquest of Siberia” explored in this research can be applied to other regions significant for this process.

*Results of the research:* Although the Perm region served as a “springboard” for the conquest of Siberia and is a symbolic border between the “Russian World” and the “Trans-Urals,” the research does not confirm the hypothesis about the system-forming significance of the myth of the “Siberian capture” for the construction of local identity. The study identifies several interdependent discourses in the local historical memory of the Perm region regarding the annexation of Siberia. The first discourse is the glorification of Yermak, initially influenced by the government's struggle with the “Cossack freemen,” but by the beginning of the 20th century, Yermak was endowed with the features of a local folk hero, and his campaign was a common cause of local residents. The second discourse is the role of the Stroganovs, which was developed in the 1830s by F.A. Volegov, survived the Soviet ideologization, and experienced a slight surge in the 1990s, but is not dominant overall. The third discourse emerged in the late 19th century and is a representation of the conquest of Siberia in the works of the local intelligentsia. They note Moscow's insignificant attention to the role of the Perm region in the conquest of Siberia, which can be considered a typical colonial discourse, but they themselves do not regard the “Siberian conquest” as a significant factor in regional history. In general, the discourses of the local historical memory of the Perm region about the conquest of Siberia shift the focus of attention from events to specific heroes, and the retrospective interpretation of their exploits is more of a “folk” rather than a statist character.

**Keywords:** Ermak, Stroganovs, annexation of Siberia, Perm region, local history, local historical memory

**For citation:** Chernyshov S.A. Evolution of Discourses on the Conquest of Siberia in Local Historical Memory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 167–180. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.167-180 (In Russian)

**Financial Support:** The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 19-39-60002\19.

### *Введение*

Локальная историческая память как форма осмысления и реконструирования прошлого традиционно считается малозначимым материалом в противовес академической исторической науке, а интерес к ней связывается с кризисом историзма и доминированием постмодернистских тенденций в исторической науке [25, с. 13]. Филологи, фольклористы, культурологи, занимающиеся анализом народных преданий, воспринимают их, как правило, как лубочные тексты, имеющие мало отношения к комплексному восприятию исторической действительности. Вместе с тем, архетипичные исторические метафоры, мифологемы как специфический способ организации мировосприятия, эволюция устойчивых интерпретационных практик на протяжении столетий – все это имеет значение не только как самостоятельный объект исследования, но и как контекстуальная рамка репрезентации прошлого в контексте настоящего.

Присоединение Сибири к Русскому государству, начавшееся в конце XVI в., само по себе является малоизученной темой со значительными источниковыми пробелами. На этом фоне локальная историческая память о присоединении Сибири имеет значительное пространство для интерпретаций полуполюгендарных героев и событий, что обуславливает особый исследовательский интерес к ее изучению.

Целью настоящей работы является систематизация и факторный анализ эволюционирующих представлений о покорении Сибири в локальной исторической памяти Пермского региона с конца XVI в. по настоящее время. Эта территория выбрана в качестве локальной рамки исследования как исторический «плацдарм» для покорения Сибири, будучи местом расположения вотчин Строгановых, из которых начался поход Ермака, а также символической границей между «Россией» и «Сибирью». Начиная исследование обозначенной проблематики, мы полагали, что эти два фактора должны стать основой для многоаспектных дискурсов о присоединении Сибири в локальной исторической памяти.

Методологической базой исследования являются несколько концептуальных оснований. Мы рассматриваем исторический факт как неразрывную связь события и коммуникативного акта по поводу случившегося, что находится в русле модели коммуникаций Ю.М. Лотмана. В этом смысле, реально протекающий процесс неизбежно, в любом формате коммуникаций (будь то академические или краеведческие интерпретации) неизбежно заменяется его моделью, «ретроспективной трансформацией» [17, с. 32]. Одно из свойств такой трансформации – линейная интерпретация разрозненных фактов, которые в результате ретроспективного осмысления становятся стройной и логически выверенной картиной произошедшего. Историческую память мы

понимаем, таким образом, как один из возможных способов конструирования (репрезентации) людьми своего прошлого. При этом, в отличие от автора термина Мориса Хальбвакса, локальная историческая память рассматривается нами в более современных интерпретациях: как явление не психологическое, но социальное.

В основе материала для интерпретации исторической памяти лежит некоторый набор исторических случайностей, которые имеют теоретически неограниченное количество вариантов реконструкции мифа. При этом понятия «миф», «идеологема» и иные аналогичные мы вслед за А. Ассман, К. Маннгеймом и другими авторами рассматриваем как синонимичные по отношению к «локальной памяти» и «коллективной памяти». В условиях необходимости интерпретации набора исторических случайностей неизбежно возникает проблема субъектности и характеристик интерпретатора. Как и любой другой акт коммуникации, историческая память не может быть объективна: «она видит события единственно в перспективе собственных интересов; она не терпит многозначности, редуцируя события до мифологических архетипов» [1, с. 38]. Каждое новое поколение при этом, с одной стороны, формулирует собственную позицию, с другой стороны – является преемником по отношению к устойчивым парадигмальным установкам прошлого.

Учитывая временные рамки исследования (конец XVI в. – настоящее время), мы, хотя и декларируем возможность анализа коммуникативных практик разных эпох на одинаковых методологических основаниях, не можем игнорировать технологические особенности практик памяти: от дописанных (локальных, этнических), до смешанных (балансирующих между устной и письменной) к современным формам технологической интерпретации прошлого [15, с. 82]. Таким образом, для целей настоящего исследования мы выделяем несколько свойств локальной исторической памяти: она рассматривается нами как социальная конструкция, она функциональна и имеет субъектные характеристики и цель, она находится в процессе постоянной трансформации и эволюционирования даже в отношении реконструкции конкретных событий и исторических персонажей.

Источниковой базой исследования выступают документы государственного и церковного происхождения, материалы личного происхождения местных краеведов, журналистов, историков, педагогов, интеллигенции, фольклорные материалы, материалы СМИ разных эпох, краеведческие работы и локальные учебные пособия Пермского региона.

*Возникновение дискурсов о присоединении Сибири  
в локальной исторической памяти Пермского региона*

Первый известный нам опыт системного осмысления и интерпретирующих коммуникативных практик о присоединении Сибири связан, прежде всего, не с локальной исторической памятью отдельных территориальных сообществ, а с усилиями официальной власти и иных центральных институтов. Например, к таковым практикам можно отнести деятельность первого сибирского архиепископа Киприана, который явно был заинтересован в создании локального церковного мифа вокруг Ермака и его дружины. Так, уже в 1636 году общегосударственное прославление казаков утверждается царем

Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом, и в том же году составляется Есиповская летопись, где казаки, в том числе, прославляются за подвиг приведения «бессурманской» Сибири к христианству. Казаки в повести – «избранники Бога, исполнители его воли, верные слуги царя» [23, с. 50]. Схожую с этой интерпретацию похода Ермака дает и Строгановская летопись, выполненная в пермских вотчинах Строгановых, – отличительной особенностью этой группы текстов «Сибирских летописей» является некоторая фокусировка на роли Строгановых в «Сибирском взятии».

Ко второй половине XVIII в. дискуссии о Ермаке и покорении Сибири уже ведутся в стенах Академии наук (так, известна дискуссия июня 1748 года о характере присоединения Сибири [5, с. 44]), в 1788 году выходит первое полноценное сочинение о Ермаке, а за весь XIX век в столицах выходит более 300 книг и статей о Ермаке и характере «Сибирского взятия» [14, с. 6]. Эти работы в целом повторяют государственно-церковные интерпретации присоединения Сибири и изображают Ермака и его дружину как православное войско, выполняющее волю московского правительства. Примечательно, что в этот же период в архивах Чердыни, Соликамска, Кунгура, даже Перми и Екатеринбурга исследователи насчитывают всего не более десятка тематических записей о походе Ермака и присоединении Сибири [3, с. 171]. Таким образом, необходимо зафиксировать, что вплоть до второй половины XIX в. дискурс о «Сибирском взятии» не является сколько-нибудь значимым для локальной исторической памяти Пермского региона.

О том, каким образом в интерпретационных практиках локальной памяти первых столетий после похода Ермака фиксируются эпизоды присоединения Сибири, мы можем судить только по опосредованным данным, искаженным к тому же более поздними толкованиями. Так, самые ранние народные предания, зафиксированные фольклористами, относятся еще к концу XVI в. [8, с. 14] – в них поход Ермака интерпретируется как поиск «земли обетованной», «казачьей вольницы» и в целом – борьба за «счастье народное». Однако, по мнению Т.И. Тумилевич, дошедшие до нас мотивы этих преданий испытали существенное влияние известных контекстуальных событий следующих двух столетий: Булавинское и Разинское восстание, передача Донской области из ведения Посольского приказа к военному ведомству, введение Донской области в общую систему имперского правления, и так далее вплоть до указа 1802 года о 30-летней казачьей службе и окончательного превращения донского казачества в военное сословие [27, с. 5]. Факторный анализ генезиса отдельных мотивов локальной исторической памяти не входит в круг задач настоящего исследования, однако отметим, что на этом фоне Ермак с дружиной и их поход в Сибирь естественно видится как едва ли не единственный пример «золотого века», безоговорочной и триумфальной победы над могучим врагом. То есть, дискурс «поход Ермака как воплощение «золотого века» казачества» нельзя в полной мере воспринимать как интерпретационные практики о присоединении Сибири. Скорее на материалах «Сибирского взятия» народное мифотворчество интерпретирует совсем другие, не относящиеся к Сибири проблемы.

Вместе с тем, нельзя однозначно утверждать, что отсутствие зафиксированных свидетельств осмысления присоединения Сибири в локальной исторической памяти в рассматриваемый период означает отсутствие интереса к этим событиям как такового. В пользу этого тезиса говорит, в частности,

локальная топонимика: уже в начале XVII в. на Урале отмечают наличие десятков и сотен скал, камней и пещер, названных в честь Ермака или связанных с ним иным образом. В дальнейшем к этой «топонимической сакрализации» примешиваются и религиозные мотивы: по народным сказаниям, Ермаку достаточно было нарисовать на скале крест или сделать крест из дерева, помолиться – и свершится «божья кара» [29, с. 186]. Локальный интерес к походу Ермака в такого рода свидетельствах зафиксировать можно, а вот интерпретировать его, и тем более выделить в нем отдельные дискурсы – гораздо сложнее.

Если же говорить о достоверно зафиксированных свидетельствах первых локальных интерпретаций присоединения Сибири (исключая ограниченные по своей аудитории и опубликованные для широкой публики Г.И. Спасским только в 1820-е годы «Сибирские летописи» и отдельные церковные тексты), то таковые следует отнести к концу XVIII – первой половине XIX в. Уже в конце XVIII в. в локальных текстах упоминается о том, что Строгановы подавали «плохой пример», «правдами и кривдами расширяя свои огромные владения»<sup>1</sup>. В другой рукописи Строгановы рассматриваются как дельцы, предприниматели, «вольные граждане», которые «правили в своих имениях во принципам вольного Новгорода»<sup>2</sup>.

Первая попытка даже не систематизации, а сбора первичных сведений о локальных дискурсах по поводу «Сибирского взятия» в Пермском регионе принадлежит управляющему пермскими имениями Строгановых Ф.А. Волегову. Его деятельность на этом поприще, по существу, решает две задачи: с одной стороны, он пытается разыскать местные архивные материалы о походе Ермака и связанных с этим событиями, с другой стороны, он выступает как публицист и апологет «строгановской» версии покорения Сибири. В деле поиска сведений в локальных архивах больших успехов Волегов не добивается: в 1830-е годы он отправляет десятки запросов в уральские города и заводы о Строгановых и Ермаке, и ему традиционно отвечают, что никаких сведений об этом нет<sup>3</sup>.

Как публицист и идеолог «строгановской» версии покорения Сибири, пожалуй, Волегов более успешен. Так, в своей рукописи «Исторические записки (сведения) о Строгановых» 1827 года, Волегов настаивает, что Строгановы были готовы самостоятельно защищать Пермские земли от сибирских набегов, при этом они максимально соблюдали субординацию, прося у царя «ни войска, ни оружия, ни денег; требовали единственно жалованной грамоты на землю»<sup>4</sup>. В 1855 году он критикует книгу Небольсина «Покорение Сибири», сетуя, что «Г. Небольсин желал изгнать имя Строгановых из истории покорения Сибири, хотел представить дело в новом виде»<sup>5</sup>. К Волегову обращаются столичные публицисты с просьбами о консультациях – так, в его архивах осталось письмо князя Василия Голицына, который просит дать статскому советнику Павлу Петровичу Ильину информацию для готовящегося исторического романа «Ермак»<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. р973. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

<sup>2</sup> ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1136.

<sup>3</sup> ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Л. 16.

<sup>4</sup> ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

<sup>5</sup> ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

<sup>6</sup> ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

*Эволюция дискурсов локальной исторической памяти  
о присоединении Сибири в XX в.*

Вплоть до начала XX в. мы можем отследить только эпизодические проявления локального осмысления похода Ермака и присоединения Сибири – несмотря на то, что Пермский регион тесно связан с этими событиями. В рассматриваемый период следует зафиксировать отсутствие локальных документов, иных зафиксированных коммуникативных практик (за исключением специфических топонимических данных), и в целом – отсутствие интереса к полноценному народному мифотворчеству по этому поводу. Поход Ермака и покорение Сибири в этот период в локальной памяти точно фиксируются, но практически никак не осмысляются как самостоятельное законченное деяние (исключение – осмысление в русле государственно-церковной парадигмы и идеи «казачьей вольницы»).

Качественно иной период наступает в конце XIX – начале XX вв. Впервые, ренессанс переживает образ Ермака, который становится безусловным народным героем. П.И. Небольсин, ехавший из Петербурга в Барнаул в середине XIX в. отмечает, что «в Тобольской и Пермской губернии нет зажиточного дома, в котором бы не висело Ермакова портрета, или на холсте, или на дереве, а большею частию на железе, на подносах» [26, с. 188]. Фактически, все осмысление покорения Сибири в локальной исторической памяти сводится к Ермаку и его походу [19]. Образ Ермака окончательно становится легендарным. Вот что писала Капитолина Михайловна Керкина 1896 года рождения: «о Ермаке я знаю только то, что бабушка рассказывала: по Чусовой плыли лодки, а в них сидели в красных рубахах гребцы...» [20, с. 36]. Ермак становится героем свадебных песен [30, с. 189]. Он подлинно былинный богатырь, совершающий десятки и сотни удивительных поступков в самых разных локациях – конечно, большинство из них полупоэтические. Василий Иванович Немирович-Данченко, побывавший на Урале в 1875 году, писал: «Расспросишь и окажется, что легендарный герой наш должен был жить по крайней мере триста лет» [6, с. 118].

Во-вторых, идея похода в Сибирь как общеказачьей акции переосмысливается и становится достоянием, совместной акцией локального сообщества. Ермак – свой, местный житель, которому помогают жители пермских деревень, таким образом покорение Сибири мыслится уже не как масштабная акция общенационального масштаба, а как локальное, народное событие. Об этом, в частности, говорится в сказе «Ермаковы лебеди» уральского писателя П.П. Бажова: «Так, говоришь, из Донских казаков Ермак был? Приплыл в наши края и сразу в сибирскую сторону дорогу нашёл? Куда никто из наших не бывал, туда он со своим войском по рекам доплыл? Ловко бы так-то!» [10, с. 87]. А основатель Краснослудской начальной школы П.Ф. Башкирцев рассказывает легенду о нападении на чувовские селения сибирских татар, в ответ на которое Ермак и собирает свою дружину, в том числе, из «местных мужиков» [7, с. 108]. Старожил В. Некрасов сообщал, что «помнит он, как хранили в семье Охранную Грамоту Строгановых на имя предка их Вяткина за то, что в поход Ермака обувал он дружинников перед дальней дорогой» – было сшито 100 пар обуви, и когда дружина проплывала в Сибирь мимо их дома, на прощание они «палили из пушки» [9, с. 23].

Наконец, свой собственный дискурс формирует и местная интеллигенция, и ее идеи существенно отличаются от традиционных (хотя и существенно переосмысленных) народных мифологем. Ключевой посыл местных журналистов, педагогов, общественных и политических деятелей – это восстановление исторической справедливости и локальная сатисфакция. Вот характерный текст И.Я. Кривошекова, изданный в Перми в 1917 году: «Царскими наградами за покорение Сибири были отмечены сами победители и содействовавшие им материально солепромышленники Строгановы, но и Пермь Великая и ни вообще жители Прикамья не только не получили за содействие и участие в покорении Сибири царского спасибо, но и поныне историками не признается, что Россия обязана им расширением своих пределов за Каменным поясом (ныне Уралом)»<sup>7</sup>. Важно, что у местных историков этого периода совершенно отсутствует идея преемственности «золотому веку», отчетливо выраженному в народной памяти. Так, пермский краевед, составитель «Пермской летописи» В.Н. Шишонко не только не возводит городскую историю ко временам Ермака и Строгановым, но и в своих письмах, выписках и других рабочих бумагах не упоминает ни одну из тем, связанную с покорением Сибири<sup>8</sup> – этот исторический эпизод, по всей видимости, его совершенно не интересовал.

Советский период немного добавил к развитию локальных дискурсов о покорении Сибири. В эти десятилетия можно говорить лишь об очередном проецировании актуальной повестки настоящего на события прошлого. Если во второй половине XVII в. поражение народных восстаний привело к переложению на покорение Сибири образов «казахьей вольницы», то в XX в. господствующее идеологизированное представление об историческом процессе сделало из Ермака борца против капиталистов и бояр. А Строгановы, естественно, оказались вообще не у дел. Больше того, им в очередной раз пеняли на умаление государственных интересов в угоду частным интересам: «вместо того, чтобы отразить нападение [в 1581 году сибирских татар], Строгановы направили имевшуюся в их распоряжении казачью дружину атамана Ермака Тимофеевича для грабежа Сибирского ханства, оставшегося без воинства»<sup>9</sup> (характерный текст местного краеведа Е.Н. Шумилова).

Локальная историческая память в советский период фиксирует, по существу, только две мифологемы по поводу покорения Сибири. Первая: «Ермак против царизма и капиталистов за простой народ». Вот характерная запись воспоминаний жителя деревни Мартьяново С.Д. Турланова, сделанная в 1959 году: «Ермак против помещиков, капиталистов, богачей был. Он был завоеватель Сибири. Жил в камню. Он от царизму скрылся. А потом царю угодил. Ермак был человек, полководец. Командиром был крестьян» [4, с. 117].

И вторая, лубочная, существующая в разных вариациях, в основном сказочно-былинного характера. Покорение Сибири здесь – далекое полуполюгендарное событие, малоизвестное и несущественное для современности. Вот два совершенно разных текста. Первый – воспоминания жителя деревни Пермьяково И.Г. Пермьякова (записаны в 1959 году): «сам Ермак-то был русский человек был, и дружина у него русская, а в дружине всего 12 человек. Зато все богатыри, только котомка у каждого четыре пуда тянула, да посчи-

---

<sup>7</sup> ГАПК. Ф. р973. Оп. 1. Д. 43. Л. 34.

<sup>8</sup> ГАПК. Ф. 321. Оп. 1. Д. 195.

<sup>9</sup> ГАПК. Ф. р-1751. Оп. 1. Д. 257. Л. 28.



тай кольчуга, шлем» [4, с. 119]. Второй – стихотворение пермского поэта – шестидесятника В. Радкевича «Я – с Урала»: «Была Москва щедра и широка / При мне с какой-то непонятной лаской / Одни припоминали Ермака, / Другие – корпус танковый уральский» [24, с. 7]. Представляется, что эти тексты передают схожий смысл: покорение Сибири не является актуальной темой для осмысления и относится к былинному локальному прошлому.

*Современные локальные дискурсы о покорении Сибири  
(конец XX – начало XXI в.)*

Современный период воскрешает в общественном дискурсе практически все мифологемы прошлых столетий о покорении Сибири – религиозную, народную, противостоящую государству, а также формулирует совершенно новые паттерны, явно перекликающиеся с актуальной повесткой дня конца XX – начала XXI вв.

Примечательно, что локальное академическое сообщество фактически все также не рассматривает присоединение Сибири в контексте преемственности местной исторической ретроспективы. Этот эпизод не является для местных авторов ни «мифом основания», ни основой для конструирования локальной идентичности – словом, поход Ермака, как и в начале XX в., для местной интеллигенции является второстепенным историческим эпизодом. Так, в книге «Пермистика» – одном из первых трудов, претендующих на комплексное академическое осмысление локальной исторической ретроспективы (по аналогии с «Москвоведением» и иными аналогичными подходами), Пермь представлена преемницей чуди и финно-угорских народов, про покорение Сибири не упомянуто вовсе, про Строгановых говорится лишь вскользь [2]. В учебнике для вузов «История Урала», изданном в Пермском университете в 2007 году, формулируется в целом классическая версия о ролях Строгановых и Ермака в присоединении Сибири, причем история самих промышленников описана в параграфе «Строгановы на Урале», а присоединение Сибири рассматривается в параграфе «Продолжение колонизационных процессов в XVI в.», наряду с присоединением Казани и Башкирии [11]. То есть, для локального академического знания покорение Сибири не входит в круг существенных исследовательских проблем.

Напротив, в локальной исторической памяти происходит возврат к прошлому интерпретационному опыту: Ермак, Строгановы, покорение Сибири в целом в осмыслении местных краеведов, учителей, поэтов и писателей как бы снова проходит все прошлые этапы – от религиозно-мистического дискурса к безусловной народной любви. Появляются новые псевдорелигиозные локации, посвященные Ермаку и его дружине – например, музей Ермака в окрестностях города Чусовой, где покорение Сибири воспроизведено в иконописной манере [21, с. 259]. Возрождаются или появляются новые ритуалы: 1 сентября в Верхне-Чусовских городках начинают отмечать «день проводов в Сибирь дружины Ермака». В 1998 году там была открыта очередная памятная плита, на которой написано «Отсюда православная Россия шагнула сквозь Уральские хребты», а мэр города на открытии плиты пообещал воздвигнуть здесь «огромный групповой монумент Ермаку Тимофеевичу, Максиму Строгановы и Спиридону Сорокину, с которым ушли из Городков 154 земляка» [9, с. 21].

С начала 1990-х годов возрождается интерес к исторической роли Строгановых в локальной героической жизни. В 1992 году в Пермской художественной галерее открылась конференция, посвященная 500-летию деятельности Строгановых на Урале. Как пишет местный краевед Т.Г. Эйриян, «долгая завеса приоткрылась, был поднят для широкого обсуждения огромный пласт жизни» [31, с. 105]. Пермские краеведы еще в начале 2000-х годов предлагали даже ввести в школах специальный курс «Торгово-промышленный дом Строгановых в истории России» [18, с. 28]. А в локальных методических материалах для учителей истории предлагалось использовать на уроках задания вроде такого: «Что было бы, если бы Иван Грозный в 1558 году отказал Строгановым в просьбе о пожаловании прикамских земель?» [12, с. 168]. Типичным для локального осмысления покорения Сибири начала XXI в. представляется следующий текст: «покорение Сибири Ермаком (на это они [Строгановы] получили благословение самого царя Ивана Грозного) – историческая веха огромного значения. Это событие можно сравнить по значимости лишь со свержением татаро-монгольского ига и реформами Петра Великого» [32, с. 89].

Ермак в конце XX века – снова «наш земляк» [20, с. 159], который «оказался дальновиднее и мудрее самого царя Ивана Грозного, думы боярской, самого правительства московского» [16, с. 27]. В очередной раз в народных мифологемах возрождается образ «вольницы», противостояния с государством и поиска «народной свободы». Вот пример характерного «народного» стихотворения местного автора А. Пинаева конца 1990-х: «Казачи конец добыли / Ермаком ведомы были / Собрались в большую рать, / Волю ездили искать. / За горами на востоке / Хан Кучум засел жестокий, / Шли Кучума победить, / Чтоб Ивана укрепить» [22, с. 50].

В начале XXI в. появляются и другие сюжеты, не просматривающиеся явно в предыдущие периоды. У части авторов религиозные и народнические мифологемы вырождаются в акценты, характерные для русского национализма конца XX в.: «главный итог похода Ермака – его пример помогает распрямиться русским, которых в последние годы слишком часто принуждали извиниться» [28, с. 20]. Наконец, расплывчатый героизированный образ Ермака оказывается удивительно подходящим для интерпретации в контексте образов «лихих 90-х». Вот характерная цитата из пермской деловой газеты «Компаньон» начала 2000-х: «Ермак – бандитский пахан (...) Не исключено, что он до сих пор склоняется по Уралу и Сибири, меняя фамилии, присасываясь к рентабельным предприятиям и время от времени погибая от пуль киллеров. Приглядитесь к своим партнерам по бизнесу, не таится ли в их глазах усталость бесконечного существования вне жизни и смерти?» [13, с. 12].

### *Заключение*

В настоящем исследовании мы ставили цель структурировать основные дискурсы о присоединении Сибири в локальной исторической памяти Пермского региона. Сформулированная в начале исследования гипотеза о том, что для Пермского региона как «плацдарма» для покорения Сибири тематика похода Ермака и «Сибирского взятия» в целом должна являться если не доминантой, то одним из оснований для конструирования локальной идентичности, не подтвердилась. На основе анализа архивных и краеведческих материалов, материалов личного происхождения можно выделить несколько дис-

курсов о присоединении Сибири. Доминирующий – это героизация Ермака. Начавшаяся практически сразу после похода, она испытала на себе влияние реакции на борьбу правительства с «казачьей вольницей», к началу XX в. наделила Ермака чертами локального народного героя, а сам его поход – всеобщим делом местных жителей. В советский период присоединение Сибири осмыслялось либо в идеологическом ключе (Ермак – борец против угнетателей «простого народа»), либо как малозначительный полупоэтический факт локальной истории.

Отдельной сюжетной линией в локальных дискурсах является интерпретация роли Строгановых. Несмотря на то, что Пермский регион – вотчина Строгановых, откуда и начался поход Ермака, этой фамилии уделяется предельно незначительное внимание как в XIX веке, так и в нынешний период – после незначительно всплеска интереса в 1990-е годы.

Наконец, собственные дискурсы – у локальной интеллигенции. Начиная со второй половины XIX в. представители местного академического сообщества, журналисты, общественно-политические деятели отмечают незначительное внимание Москвы к роли Пермского региона в покорении Сибири (что можно считать типичным колониальным дискурсом), однако и они сами не интерпретируют покорение Сибири в качестве «мифа основания» или иных практик, конструирующих локальную идентичность. Фактор Сибири не является для пермского академического сообщества сколько-либо значимым – и в этом их позиция сходится с «народными» дискурсами, где фокус внимания смещен от событий к конкретным героям, а ретроспективная интерпретация их подвигов имеет скорее былинный, «богатырский», «народный», нежели государственный характер.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
2. Баньковский Л.В. Пермистика. Пермь: [Б. и.], 1991. 109 с.
3. Блажес В.В. Уральские предания о Ермаке // Вопросы теории и истории литературы. Ученые записки. Сборник 107. Нижний Тагил: [Б. и.], 1966. С. 171–188.
4. Блажес В.В. Фольклор Урала. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2002. 186 с.
5. Введенский А.А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киевского государственного университета. 1949. №2. С. 5–44.
6. Власова Е.Г. Ермак как произведение уральского ландшафта (на материале сылвенского сюжета уральской мифологии о Ермаке) // География и туризм. 2018. №1. С. 113–117.
7. Вылежнев Ю.Г. По следам Ермака // Календарь-справочник Пермской области. Пермь: [Б. и.], 1963. С. 107–110.
8. Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. 152 с.
9. Дубинкина Н.И. Ермак в памяти народной // Материалы краеведческих Коноваловских чтений. Вып. 4. Березники, 2001. С. 21–26.
10. Ермаковы лебеди (из уральских сказов известного русского писателя П.П. Бажова) // Быль Чусовских Городков: краеведческий сборник. Пермь: Изд-во «Пушка», 2012. С. 87–108.

11. История Урала до конца XIX века: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. 153 с.
12. Калинина И.А. История рода Строгановых в курсе преподавания исторического краеведения в школе // Вопросы истории и культуры Пермского прикамья: «Строгановские чтения». Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники, 2004. С. 167–172.
13. Копейщиков П. Неустанный караул // Компаньон. 2001. №3. С. 12.
14. Кузнецов Е.В. Библиография Ермака. Тобольск: [Б. и.], 1891. 33 с.
15. Ле Гофф Ж. История и память. М.: РОССПЭН, 2013. 303 с.
16. Легендарный Ермак Тимофеевич. Краеведческое пособие. Кунгурский район: МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека Кунгурского муниципального района», 2016. 28 с.
17. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис, 1992. 272 с.
18. Мосунова Т.Г., Полозкова Ю.А. «Строгановы в судьбе России» как вариант элективного курса в историческом цикле школ и вузов // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники, 1995. С. 27–28.
19. Никулина Н.В. Ермак: история имени (самостоятельный поиск краеведа) // Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 3. Пермь, 2001. С. 159–163.
20. Никулина Н.В. Память о Ермаке // Быль Чусовских городков: краевед. сб. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 35–41.
21. Пермь и Пермский край: альбом-путеводитель. Пермь: Продюсерский центр «Траектория», 2012. 322 с.
22. Пинаев А.Н. Старый посад. Пермь: [Б. и.], 2002. 84 с.
23. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 36, ч. 1. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 381 с.
24. Радкевич В.И. Уральская лирика. Пермь: Кн. изд-во, 1968. 167 с.
25. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. Тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с. С. 11–26.
26. Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 296–317.
27. Тумилевич Т.И. Донские исторические предания о Ермаке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону: [Б. и.], 1980. 26 с.
28. Тупицын С. Ермак – легенда и реальность // Мы – земляки. 2009. № 3. С. 20–23.
29. Тъжнов И. Обзор иностранных известий о Сибири второй половины XVI века. – Сибирский сборник. Спб.: [Б. и.], 1887. 208 с.
30. Шишонко В.Н. Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Пермь: Типография губернской земской управы, 1882. 331 с.
31. Эйриян Т.Г. В поисках Строгановых // Строгановское историческое собрание. Материалы конференции «Историко-экономические аспекты развития горнозаводских вотчин Урала (XVII – начало XX вв.)». Пермь-Павловский: [Б. и.], 2012. С. 105–113.
32. Эйриян Т.Г. Строгановы и Прикамье (Заметки краеведа) // Строгановское историческое собрание. Материалы конференции историков и краеведов Пермского края (16 июня 2006 года). Пермь: Прикамский социальный институт, 2006. С. 88–95.

**Сведения об авторе:** Сергей Андреевич Чернышов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет (634050, проспект Ленина, 36, корпус 1, Томск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3885-7125, ResearcherID: AGY-2676-2022. E-mail: 1502911@mail.ru

Поступила 16.01.2023 Принята к публикации 02.03.2023  
Опубликована 29.03.2023

## REFERENCES

1. Assman A. *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. Moscow: NLO, 2014. 328 p. (In Russian)
2. Ban'kovskiy L.V. *Permistics*. Perm: [B. i.], 1991. 109 p. (In Russian)
3. Blazhes V.V. Ural legends about Yermak. *Questions of theory and history of literature. Scientific notes*. Collection 107. Nizhniy Tagil: [B. i.], 1966, pp. 171–188. (In Russian)
4. Blazhes V.V. *Folklore of the Urals*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002. 186 p. (In Russian)
5. Vvedenskiy A.A. Stroganovs, Ermak and the conquest of Siberia. *Historical collection of the Kiev State University*. 1949, no. 2, pp. 5–44. (In Russian)
6. Vlasova Ye.G. Yermak as a product of the Ural landscape (on the material of the Sylven plot of the Ural mythology about Yermak). *Geography and tourism*. 2018, no. 1, pp. 113–117. (In Russian)
7. Vylezhnev YU.G. In the footsteps of Yermak. *Calendar-reference book of the Perm region*. Perm, 1963, pp. 107–110. (In Russian)
8. Dergacheva-Skop Ye.I. *From the history of literature of the Urals and Siberia of the 17th century*. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izdatel'stvo, 1965. 152 p. (In Russian)
9. Dubinkina N.I. Ermak in the memory of the people. *Materials of local history Konovalov readings*. Iss. 4. Berezniki, 2001, pp. 21–26. (In Russian)
10. Ermakov's swans (from the Ural tales of the famous Russian writer P.P. Bazhov). *Byl Chusovsky Gorodkov: a collection of local lore*. Perm: Pushka Publishing House, 2012, pp. 87–108. (In Russian)
11. History of the Urals until the end of the 19th century: textbook. Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 2007. 153 p. (In Russian)
12. Kalinina I.A. The history of the Stroganov family in the course of teaching historical local history at school. *Questions of history and culture of the Perm Kama region: "Stroganov Readings"*. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Berezniki, 2004, pp. 167–172. (In Russian)
13. Kopeyshchikov P. The tireless guard. *Companion*. 2001, no. 3, p. 12. (In Russian)
14. Kuznetsov Ye.V. *Bibliography of Yermak*. Tobol'sk: [B. i.], 1891. 33 p. (In Russian)
15. Le Goff ZH. *History and memory*. Moscow: ROSSPEN, 2013. 303 p. (In Russian)
16. Legendary Ermak Timofeevich. Local history allowance. Kungurskiy rayon: MBUK «Mezhposelencheskaya tsentral'naya biblioteka Kungurskogo munitsipal'nogo rayona», 2016. 28 p. (In Russian)
17. Lotman YU.M. Culture and Explosion. Moscow: Gnosis, 1992. 272 p. (In Russian)
18. Mosunova T.G., Polozkova YU.A. "Stroganovs in the fate of Russia" as a variant of the elective course in the historical cycle of schools and universities. *History and culture of the provincial cities of the Perm Kama region*. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Berezniki, 1995, pp. 27–28. (In Russian)

19. Nikulina N.V. Yermak: the history of the name (independent search for a local historian). *Pages of the past: selected materials of local history Smyshlyaevsky readings in Perm*. Iss. 3. Perm, 2001, pp. 159–163. (In Russian)
20. Nikulina N.V. Memory of Yermak. *True story of Chusovoy towns: local historian*. Sat. Yekaterinburg: Publishing House Ural. un-ta, 2000, pp. 35–41. (In Russian)
21. Perm and Perm region: album guide. Perm': Prodyusserskiy tsentr «Trayektoriya», 2012. 322 p. (In Russian)
22. Pinayev A.N. *Old settlement*. Perm': [B. i.], 2002. 84 p. (In Russian)
23. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. Vol. 36, part 1. *Siberian Chronicles*. Group of the Esipov Chronicle. Moscow: Nauka, 1987. 381 p. (In Russian)
24. Radkevich V.I. *Ural lyrics*. Perm': Knizhnoe izdatel'stvo, 1968. 167 p. (In Russian)
25. Safronova YU.A. Memory studies: evolution, problems and institutional development. *Methodological issues of studying the politics of memory*: Sat. scientific Tr. Ed. by Miller A.I., Efremenko D.V. Moscow-Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018, pp. 11–26. (In Russian)
26. Soboleva L.S. “The Sovereign Ataman” Yermak Timofeevich: Vectors of Idealization. *Ancient Russian Spiritual Heritage in Siberia: Scientific Study of the Monuments of Traditional Russian Books in the East of Russia*. Novosibirsk: Publishing House of SO RAN, 2005, pp. 296–317. (In Russian)
27. Tumilevich T.I. *Don historical legends about Yermak*. Abstract of Doctoral dissertation. Rostov-na-Donu: [B. i.], 1980. 26 p. (In Russian)
28. Tupitsyn S. Ermak – legend and reality. *We are countrymen*. 2009, no. 3, pp. 20–23. (In Russian)
29. Tyzhnov I. *Review of foreign news about Siberia in the second half of the 16<sup>th</sup> century*. – *Siberian collection*. Saint Petersburg: [B. i.], 1887. 208 p. (In Russian)
30. Shishonko V.N. Fragments from the folk art of the Perm province. Perm: Tipografiya gubernskoy zemskoy upravyy, 1882. 331 p. (In Russian)
31. Eyriyan T.G. In Search of the Stroganovs. *Stroganov Historical Collection*. Materials of the conference “Historical and economic aspects of the development of the mining estates of the Urals (17<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> centuries)”. Perm'-Pavlovsky: [B. i.], 2012, pp. 105–113 (In Russian)
32. Eyriyan T.G. The Stroganovs and the Kama region (Notes of a local historian). *Stroganov Historical Collection*. Materials of the conference of historians and local historians of the Perm region (June 16, 2006). Perm: Kama Social Institute, 2006, pp. 88–95. (In Russian)

**About the author:** Sergey A. Chernyshov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Laboratory of Social Anthropological Research, National Research Tomsk State University (36, building 1, Lenin ave., Tomsk 634050, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3885-7125, ResearcherID: AGY-2676-2022. E-mail: 1502911@mail.ru

Received January 16, 2023 Accepted for publication March 2, 2023  
Published March 29, 2023